

Глава 14

Прелюдия к визиту в Москву

С глубоким интересом и растущей надеждой мы наблюдали за развитием гигантского наступления русских. Немецкие гарнизоны в северных Прибалтийских государствах были почти что отрезаны в результате продвижения русских армий далеко на юг и были вызволены с трудом. Первые атаки против них были предприняты в середине сентября с обеих сторон Чудского озера. Наступление быстро развернулось, и за три недели наступающие войска вышли на Балтийское побережье севернее Риги.

24 сентября возобновились активные действия на Южном фронте. Наступление началось с продвижения войск южнее Дуная на югославскую территорию. На левом фланге русских поддерживала болгарская армия, которая охотно перешла на их сторону. Совместно они установили контакт с партизанскими войсками Тито и помогали им преследовать немцев во время тяжелого, но искусного отступления их из Греции. Несмотря на очевидную опасность, создавшуюся в Польше, Гитлер придавал большое значение кампании в Венгрии и настойчиво подбрасывал туда подкрепления. Основное наступление русских при поддержке румынской армии началось 6 октября. Оно было направлено на Будапешт с юго-востока, дополнительный удар был нанесен с Карпат на севере, Белград, обойденный по обоим берегам Дуная, был освобожден 20 октября, а находившийся в нем немецкий гарнизон уничтожен.

* * *

В соответствии с соглашением, достигнутым летом между мною и президентом, в течение трех месяцев действовала договоренность относительно раздела ответственности за различные страны, захваченные продвигающимися вперед армиями. Однако с наступлением осени положение во всей Восточной Европе становилось все более напряженным. Мне хотелось снова лично встретиться со Сталиным, с которым я не виделся со времени Тегерана. Несмотря на варшавскую трагедию, я чувствовал, что после успешного начала операции «Оверлорд» меня с ним связывают новые узы. Русские армии оказывали сильный нажим на Балканском театре военных действий, а Румыния и Болгария находились в их власти. Поскольку победа великого союза становилась лишь делом времени, естественно, что устремления русских возрастали. Коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм — евангелием, которое она с собой несла.

Я никогда не считал, что наши отношения с Румынией и Болгарией в прошлом требовали от нас каких-то особых жертв. Однако судьба

Польши и Греции нас касалась непосредственно: из-за Польши мы вступили в войну; ради Греции мы предпринимали мучительные усилия. Правительства обеих этих стран нашли убежище в Лондоне, и мы считали себя ответственными за их возвращение, если народы этих стран действительно этого захотят. Соединенные Штаты в основном разделяли эти чувства, но до их сознания очень медленно доходило резкое усиление коммунистического влияния, которое предшествовало и следовало за продвижением мощных армий, управлявшихся из Кремля. Я надеялся воспользоваться улучшением отношений с Советами, чтобы добиться удовлетворительного решения этих новых проблем, возникавших между Востоком и Западом.

Помимо этих серьезных вопросов, касавшихся всей Центральной Европы, нашего внимания требовали проблемы создания международной организации. В августе — октябре в Думбартон-Оксе (Вашингтон) состоялась длительная конференция, на которой США, Англия, СССР и Китай разработали ныне общеизвестный план сохранения всеобщего мира. Они предложили, чтобы все миролюбивые государства вступили в новую организацию, названную Организацией Объединенных Наций. В ходе переговоров выявились многочисленные разногласия между тремя великими союзниками, о которых будет сказано в дальнейшем. Кремль не имел намерения вступать в международный орган, в котором его могли бы забаллотировать многочисленные малые страны, которые, хотя и не были в состоянии влиять на ход войны, безусловно стали бы претендовать на равный статус после победы. Я был уверен, что мы можем прийти к хорошим решениям с Россией лишь в период, когда мы связаны с нею товариществом в борьбе против общего врага. Гитлер и гитлеризм были обречены, но что произойдет после Гитлера?

* * *

На конференции в Думбартон-Оксе не было достигнуто никакого соглашения, однако я ощущал острую потребность повидаться со Сталиным, с которым, как я всегда считал, можно поговорить по-человечески.

Премьер-министр — маршалу Сталину

27 сентября 1944 года

1. Я был весьма рад, узнав от посла сэра А. Кларка Керра о той похвале, с которой Вы отозвались о британских и американских операциях во Франции. Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от вождя героических русских армий. Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника.

2. Я только что вернулся после долгих бесед с президентом и могу заверить Вас в нашей твердой уверенности, что на соглашениях наших трех стран — Британии, Соединенных Штатов и Союза Советских Социалистических Республик — покоятся надежды всего мира. Я был очень огорчен, узнав, что Вам нездоровилось в последнее время и что Ваши доктора против того, чтобы Вы предпринимали длительные путешествия по воздуху. Президент считал, что Гаага была бы хорошим местом для нашей встречи. Мы еще не захватили этого места, но возможно, что ход войны даже до Рождества сможет изменить положение вдоль балтийского побережья в такой степени, что Ваша поездка не будет утомительной или трудной. Однако нам предстоит много тяжелых боев до того, как можно будет составить какой-либо подобный план.

3. Строго доверительно. Президент намеревается посетить Англию, а затем Францию, а также Бельгию, Люксембург и Нидерланды вскоре после выборов, независимо от победы или поражения. Информация, которой я располагаю, дает мне основание думать, что он победит.

4. Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть все эти планы вместе. Я был бы рад приехать в Москву в октябре, если я смогу отлучиться отсюда. Если я не смогу, то Иден был бы готов заменить меня. Тем временем я шлю Вам и г-ну Молотову свои самые искренние добрые пожелания.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

29 сентября 1944 года

...Во время разговора с Кларком Керром и Гарриманом вчера вечером Д. Дж. держался приветливо и дружелюбно. Однако он «жаловался на свое здоровье». Он сказал, что чувствует себя хорошо только в Москве и что даже его поездки на фронт были ему вредны. Его врачи возражают против того, чтобы он летал на самолете; после поездки в Тегеран он в течение двух недель не мог оправиться и т. д.

При таких обстоятельствах Антони и я серьезно подумываем о том, чтобы в ближайшее время полететь туда. Путь теперь стал короче. Сталин еще не ответил на наше предложение. Мы ставим перед собой две основные задачи: во-первых, договориться о том, чтобы он выступил против Японии, и, во-вторых, попытаться добиться дружеского урегулирования с Польшей. Есть и другие вопросы, касающиеся Югославии и Греции, которые мы также будем обсуждать. Мы будем держать Вас в курсе всех дел. Мы, конечно, будем приветствовать помощь Аверелла или Вы, быть может, сумеете послать Стеттиниуса или Маршалла? Я совершенно уверен в необходимости личного контакта.

Мне кажется почти несомненным, что Германия не будет побеждена в этом году. Судя по одной из телеграмм, Омар Брэдли уже думает об операции через Рейн в середине ноября; я отметил и другие признаки усиления сопротивления немцев...

В тот же день пришла следующая телеграмма:

Маршал Сталин — премьер-министру
29 сентября 1944 года

Получил Ваше и г-на Рузвельта послание о совещании в Квебеке с информацией относительно Ваших дальнейших военных планов. Из вашего сообщения видно, какие важные задачи предстоит решить американским и британским вооруженным силам. Позвольте пожелать Вам и Вашим войскам всяческих успехов.

В настоящее время советские войска заняты ликвидацией прибалтийской группы немецких войск, висящей над нашим правым флангом. Без ликвидации этой группы нам невозможно продвигаться в глубь Восточной Германии. Кроме того, у наших войск имеются две ближайшие задачи: вывести Венгрию из войны и прощупать оборону немцев на восточном фронте путем удара наших войск, причем при благоприятных условиях — опрокинуть ее.

Президенту понравился наш план поездки в Москву. 30 сентября он телеграфировал:

Президент Рузвельт — премьер-министру
30 сентября 1944 года

Когда Вы получите ответ от Дяди Дж., информируйте меня, пожалуйста, какого числа Вы и Антони рассчитываете прибыть в Москву. Мне кажется, что Сталин в настоящее время весьма чувствителен ко всяким сомнениям относительно его намерений помочь нам на Востоке.

По Вашей просьбе я предложу Гарриману оказывать Вам любую помощь, которая Вам может понадобиться. Мне кажется практически нецелесообразным и невыгодным быть представленным Стеттиниусом или Маршаллом.

Сталин прислал мне сердечное приглашение.

Маршал Сталин — премьер-министру

30 сентября 1944 года

Получил Ваше послание от 27 сентября.

Я разделяю Вашу уверенность в том, что прочное согласие между тремя ведущими державами является верной гарантией будущего мира и отвечает лучшим надеждам всех миролюбивых народов. Последовательность наших правительств в такой политике в послевоенный период, как этого мы достигли во время этой великой войны, будет, мне кажется, иметь решающее значение.

Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и с президентом. Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться.

Я весьма приветствую Ваше желание приехать в Москву в октябре. Нам следовало бы обсудить военные и другие вопросы, которые имеют большую важность. Если Вам что-либо помешает приехать в Москву, мы, разумеется, с готовностью встретим г-на Идена.

Ваше сообщение о планах поездки в Европу президента представляет для меня большой интерес. Я также уверен в его новом избирательном успехе.

Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране.

Я и Молотов шлем Вам свои наилучшие добрые пожелания.

Я немедленно занялся этим делом.

Премьер-министр — А. Кларку Керру, Москва

1 октября 1944 года

1. Ознакомьтесь с телеграммой маршала Сталина от 30 сентября, которая носит исключительно дружественный характер. Если позволит погода, мы с Антони намерены вылететь в субботу ночью. Путь сейчас значительно короче, поскольку мы можем избежать кружного маршрута через Атлантику и Испанию, а также через горы и Тегеран. Это займет не больше трех дней, быть может, даже двух. Министерство авиации договорится обо всем с Москвой.

2. Я считаю, что нам лучше ехать в качестве гостей русского правительства, поскольку высоко развитое у них чувство гостеприимства поможет делу. Но, конечно, мы должны будем устраивать приемы в посольстве. Не позондируете ли Вы у них почву на этот счет?

3. Я думаю, г-жа Черчилль могла бы поехать со мной. У нее есть теперь там дела, связанные с Красным Крестом, и англичане будут рады узнать, что она находится там, чтобы ухаживать за мной. Не знаю, насколько это удобно. Конечно, она не собирается идти на банкет в Кремль, на котором будут присутствовать только мужчины, однако я полагаю, что есть вещи, помимо ее Красного Креста, которые она могла бы посмотреть. Не поставит ли это русских в затруднительное положение, поскольку не существует г-жи Сталиной? Дайте мне, пожалуйста, совершенно откровенный совет на этот счет.

Ответьте в самом срочном порядке.

Посол ответил на следующий день. Он и русские пришли в восторг от того, что я решил приехать и что со мною придет Антони. «Все подготовлено. Русские ждут вас к себе в гости. Возможность приезда с вами г-жи Черчилль горячо приветствовалась».

Однако моя жена решила не ехать со мной на сей раз. Я просил Рузвельта сообщить Сталину, что он одобряет нашу поездку и что Гарриман примет участие в переговорах. Я запросил, что я могу сказать относительно военных планов Соединенных Штатов на Дальнем Востоке.

Президент сообщил мне о своей поддержке и полном одобрении моих взглядов.

Президент Рузвельт — премьер-министру

4 октября 1944 года

Я прекрасно понимаю, почему Вы считаете необходимым встретиться с Дядей Джо как можно скорее, еще до того, как мы сможем встретиться втроем. Вопросы, которые Вы будете обсуждать там, безусловно, представляют большой интерес для Соединенных Штатов, и Вы, несомненно, согласитесь с этим. Поэтому я дал инструкции Гарриману присутствовать там в качестве моего наблюдателя, если это устроит Вас и Дядю Джо, и информировал об этом Сталина. Хотя, естественно, Аверелл не сможет давать никаких обязательств от имени Соединенных Штатов — я не могу никому позволить заранее давать от моего имени обязательства, — он сможет полностью держать меня в курсе дел, и я дал ему указания вернуться и сделать мне доклад сразу же после окончания совещания.

Весьма сожалею, что не смогу быть с Вами лично, но я готов к встрече нашей тройки в любое время после выборов у нас, и Ваша встреча

с Дядей Джо должна послужить полезной прелюдией к этому нашему совещанию. Об этом я информировал Дядю Джо.

Таким образом, все основные вопросы были урегулированы. Оставалось лишь наметить план путешествия.

Премьер-министр — маршалу Сталину

4 октября 1944 года

Ваши люди очень обеспокоены маршрутом, по которому мне предложили следовать. Для меня нехорошо лететь на высоте более 8000 футов, хотя в случае необходимости я могу позволить себе это в течение примерно часа. Мы считаем меньшим риском лететь через Эгейское и Черное моря. В общем, я убедился, что этот путь является лучшим и не слишком рискованным.

Поскольку мы сможем безопасно приземлиться для заправки горючим в случае необходимости в Симферополе или на любой другой посадочной площадке на побережье, которую Вы сможете предоставить, я буду вполне удовлетворен тем обслуживанием, которое имеется на месте. В моем самолете есть все необходимое. Важно лишь то, чтобы мы смогли послать вперед самолет для установления вместе с Вами общей сигнальной станции для руководства нашим полетом и приземлением. Пожалуйста, дайте необходимые указания.

Я предвкушаю новый приезд в Москву в условиях наиболее счастливых за время с августа 1942 года.

Маршал Сталин — премьер-министру

5 октября 1944 года

Ваше послание от 4 октября получил.

Приземление на аэродроме Сарабуз около Симферополя обеспечено. Пришлите Ваш сигнальный самолет на этот аэродром.

Ночью 5 октября Иден и я вместе с Бруком и Исмеем вылетели в двух самолетах. В Неаполе мы имели четырехчасовую беседу с генералами Вильсоном и Александером. Я был очень расстроен их сообщениями. Прошло пять недель с тех пор, как я уехал из Италии, когда Александер начинал свое наступление в конце августа. Следует рассказать всю эту историю до ее завершения осенью.

Наступление 8-й армии развивалось успешно. Оно застигло немцев врасплох, и к 1 сентября войска прорвали Готскую линию на фронте шириной 20 миль. Кессельринг, как всегда, быстро пришел в себя и начал перебрасывать подкрепления с центрального сектора. Он своевременно перебросил войска к Корианскому хребту, преграждавшему путь

на Римини, и эти войска в течение недели отбивали все наши атаки. Затем мы взяли этот хребет.

Со своего центра и с правого фланга Кессельринг перебросил семь дивизий, и в течение трех дней шли тяжелые бои у Сан-Фортунато. Когда он был взят в результате искусных комбинированных действий сухопутных и военно-воздушных сил, противник отступил, и Римини пал 20 сентября.

Ослабив центр, Кессельринг предоставил Александеру возможность, которой тот дожидался для 5-й армии. Противник отошел со своих передовых позиций с целью сбережения войск, и мы смогли приблизиться к основной позиции, не предпринимая предварительных атак. 13 сентября 5-я армия нанесла удар, а два дня спустя индийская 8-я дивизия, шедшая впереди нашего 13-го корпуса, пересекла горы по непроторенным дорогам и прорвала Готскую линию по дороге на Фаэнцу. К 18 сентября находившиеся на их левом фланге английский корпус и американский 2-й корпус были на вершине хребта. Готская линия, прорванная на восточном конце 8-й армией, была прорвана теперь и в центре.

Ценой серьезных потерь все же был достигнут большой успех, и будущее казалось обнадеживающим. Однако Кессельринг получал новые подкрепления, и в его распоряжении находилось в целом 28 немецких дивизий. Собрав и перебросив две дивизии из спокойных секторов, он начал ожесточенные контратаки. В результате истощения 5-й армии немцам удалось удержать свою линию.

Для 8-й армии октябрь также был месяцем неудач. Генерал Маккрири 7 октября выступил по дороге Римини — Болонья. В результате сильнейших дождей бесчисленные реки и ирригационные каналы вздулись, и ранее осушенная пахотная земля превратилась в прежнюю болотистую местность.

Несмотря на это, 19 октября войска подошли к Чезене, и польский корпус, заменивший 10-й корпус на южном фланге, с боями пробился к дороге Форли — Флоренция, имевшей важное значение, так как она обеспечивала более короткую и побочную линию коммуникаций с армией Марка Кларка. Эта армия, как мы видели, находилась очень близко к Болонье. В критической обстановке германский командующий принял смелое решение перебросить три полноценные дивизии со своего восточного фронта на центральный. Это, несомненно, дало ему возможность спасти положение в центре его линии. Кроме того, 8-я армия была ослаблена. Индийскую 4-ю дивизию и греческую бригаду пришлось отозвать оттуда и перебросить на ликвидацию кризиса в Греции.

* * *

Я сообщил президенту обо всех этих событиях из Москвы 10 октября и добавил: «Не могли ли бы Вы выделить две, а еще лучше три американские дивизии для переброски их на итальянский фронт, которые

присоединились бы к 5-й армии Марка Кларка и обеспечили необходимое подкрепление Александеру? Они должны были бы прибыть туда в ближайшие три-четыре недели. Что касается Истрии, Триеста и т. д., то генерал Вильсон передаст свой план объединенному англо-американскому штабу. Этот план будет соответствовать общей стратегической цели, а именно изгнанию из Италии армии Кессельринга или ее уничтожению».

Он ответил несколько дней спустя.

Президент Рузвельт — премьер-министру, Москва

16 октября 1944 года

Я высоко ценю Ваш доклад об итальянской кампании, где к настоящему времени в совместных сражениях мы потеряли около 200 тысяч человек, из них 90 тысяч американцев. Мои начальники штабов согласны с мнением Вильсона, что мы не можем надеяться на уничтожение армии Кессельринга этой зимой и что условия местности и погода в долине реки По исключают возможность какого бы то ни было решительного наступления в этом году. Они считают также, что немцы смогут свободно перебросить пять-шесть дивизий из Италии на западный фронт, когда сочтут это более выгодным, чем использовать эти дивизии для сдерживания наших войск южнее реки По. Переброска дополнительных американских дивизий не повлияет на ход кампании в Италии в этом году. Все мы испытываем сейчас непредвиденную нами нехватку людских ресурсов, и самой важной из всех наших военных проблем является необходимость быстро подготовить свежие войска, чтобы перебросить подкрепления Эйзенхауэру, который должен прорваться в Германию и положить конец войне в Европе. Хотя дивизии в Италии действительно устали, ибо участвуют в нынешних боях с 25 августа, следует учитывать, что Эйзенхауэр ведет сейчас решающую битву за Германию дивизиями, которые принимают участие в боях непрерывно с того времени, когда они высадились на берегах Нормандии в первой половине июня. Настоятельно необходимо перебросить дополнительные дивизии на широкий фронт от Швейцарии до Северного моря. Свежие войска еще больше нужны для того, чтобы дать Эйзенхауэру возможность предоставить короткий отдых солдатам на фронте, которые находятся на линии огня со дня высадки в Нормандии.

Переброска каких бы то ни было войск в Италию привела бы к тому, что во Францию не были бы доставлены остро необходимые свежие войска, и к тому, что эти войска использовались бы в чрезвычайно изнурительных боях зимней кампании в Северной Италии, не имеющей к тому же решающего значения. Я понимаю, какая трудная и тяжелая задача стоит и будет стоять перед нашими армиями в Италии, однако

мы не можем отвлекать с основного театра войска, нужные в битве за Германию.

По докладу генерала Маршалла о проблеме, стоящей сейчас перед генералом Эйзенхауэром, я пришел к убеждению, что оба они согласны с моим мнением, что не следует отвлекать ни одной дивизии, направляемой во Францию.

Окончание этой истории весьма краткое. Хотя надежды на решающую победу исчезли, основная задача армии в Италии по-прежнему состояла в том, чтобы сохранять нажим и не давать противнику возможности посылать помощь немецким армиям на Рейне, находившимся в тяжелом положении. Итак, 8-я армия с боями прокладывала себе путь вперед, когда выдавалась сносная погода. 9 ноября она заняла Форли, а затем очистила всю дорогу на Флоренцию. После этого не было предпринято ни одного какого-либо крупного наступления. Когда появлялась возможность, осуществлялись небольшие продвижения, но лишь весной усилия наших войск увенчались победой, которую они вполне заслужили — и чуть было не одержали — еще осенью.